

Научная статья

УДК 316.77

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-220-224

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Наталья Владимировна Маслодудова

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, nata.maslodudova@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа особенностей современной цифровой реальности обосновываются социальные риски, связанные с изменением сущности самого человека. Переход из сферы непосредственного контактного общения в виртуальную обезличенную реальность ведет к существенным изменениям характеристики человека разумного. Сами эти изменения становятся причиной новых социальных рисков как для отдельного человека, так и для человечества в целом.

Ключевые слова: цифровая реальность, виртуальное общение, социальные риски, биосоциальность и духовность человека

Для цитирования: Маслодудова Н. В. Социальные риски современной цифровой реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 220–224. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-220-224>.

Sociology Problems

Original article

SOCIAL RISKS OF MODERN DIGITAL REALITY

Natalia V. Maslodudova

Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk, Russia, nata.maslodudova@yandex.ru

Abstract. On the basis of analysis of the features of modern digital reality justified social risks associated with changes in the essence of the person. The transition from the sphere of direct contact communication to virtual impersonal reality leads to significant changes in the characteristics of Homo sapiens. These changes themselves are causing new social risks both for the individual and for humanity as a whole.

Keywords: digital reality, virtual communication, social risks, biosociality and human spirituality.

For citation: Maslodudova N. V. Social risks of modern digital reality. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(4):220–224. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-220-224>. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 220–224.

Первая мысль, которая приходит в голову при постановке обозначенной проблемы, это слова Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».¹ Какую бы теорию происхождения человека мы не выбрали для себя в качестве истинной, очевидность эволюционных процессов, связанных в том числе и с самим человеком, подвергнуть сомнению очень трудно. Долгое время мы были убеждены, что человек в сущности на протяжении всей своей истории остается неизменным, лишь подстраиваясь под постоянно меняющиеся обстоятельства. Эту неизменную сущность мы связывали с биосоциальностью человека, то есть включенностью человека в два мира: мир природы и мир общественных отношений. Формирование такого отличительного признака человека как наличие у него сознания мы справедливо связывали с влиянием общества, отмечая, что у родившегося здорового ребенка есть лишь заданная биологическим видом потенция к мыслительной деятельности. Развитие этой заданной потенции во многом определяется обществом в целом и непосредственным социальным окружением конкретного ребенка.

© Маслодудова Н. В., 2021

¹ Балашов Л. Протагор... Человек - мера всех вещей. <https://proza.ru/2012/12/02/2025> (дата обращения 25.07.2021)

Психология заставила расширить сущность человека до восприятия ее как биопсихосоциальной. Хотя в целом, с точки зрения философии, это не изменяет заданных координат, так как индивидуальные психические характеристики человека относятся все к тому же миру биологической природы, а коллективные психические находят отражение в социальном. А это означает, что биологические изменения, которые происходят в человеке под влиянием как природных изменений, так и в результате развития новых биотехнологий, вступая во взаимодействие с социальной реальностью, не могут не оказывать на нее влияние. И наоборот, социальные изменения могут приводить, и уже приводят, к желанию биологических изменений в самом человеке. Яркий пример: «диалектика пенсионной реформы». Женщина, осознающая, что ей необходимо доработать до 60 лет, и планирующая «на зло правительству» получать пенсию до 90 лет, начинает совершенно по-новому относиться к своему здоровью и его возможным резервам. Но ее надежды не ограничиваются здоровым питанием и физкультурой. Она вполне справедливо надеется на современную гормональную терапию, позволяющие сохранять молодость, и современные медицинские технологии, позволяющие заменять изношенные суставы, выращивать с помощью стволовых клеток новые органы и при необходимости заменять старые и т.п. Очевидно, что развитие доступности возможных технологий в будущем несомненно поставит вопрос о новом увеличении пенсионного возраста. Такова диалектика...

Вместе с тем, увеличение пенсионного возраста с философской точки зрения не является серьезным социальным риском, если конечно не рассматривать его как инструмент для наращивания социального протеста. Такими инструментами в современном мире могут оказаться и сертификаты о вакцинации, QR-коды, увеличивающие историческую сегрегацию населения, и многое другое. Здесь на первое место выходит ответственность самих политиков, которые опираются на подобные инструменты.

С философской точки зрения более серьезными социальными рисками являются последствия изменения сущности самого человека под влиянием современной цифровой реальности. Что представляет из себя цифровая реальность для обыденного человека? В первую очередь – доступность. Условием этой доступности становится не только наличие смартфона и гаджета, которые, и это необходимо признать, еще для достаточно большого количества российских людей остаются предметами роскоши, но и уровень образовательных возможностей самого человека. И вот здесь начинается самое интересное... Дело не в возрастных способностях! Нашим бабушкам и дедушкам всегда найдутся помощники. Задача государства обеспечить защиту от некоторых из них. Огромное количество людей становятся заложниками мошенников, которые, успешно осваивая новые технологии, берут от нашего имени кредиты, сдают в аренду или продают нашу собственность, получают за нас страховые выплаты и т.д. и т.п. Все это затмевает привлекательную доступность цифровой реальности и порождает страх. Последний же оказывает колоссальное влияние на биологическую сущность человека. И это влияние далеко не только положительное, связанное с защитной реакцией организма. Страх способен парализовать чувственную сторону человека, которая является его сущностной характеристикой. Чувства, как важнейший элемент человеческого сознания являются осознанной эмоцией. Выдающийся психолог Л.С. Выготский обращал внимание на двуединство интеллекта и эмоции. Именно в этом двуединстве и рождаются чувства. Чем выше интеллект, тем сложнее, глубже и продолжительнее эмоции человека. Лишившись чувств, он становится эмоциональным животным.

Феномен страха изучается философами и социологами, психологами и политологами. Различные подходы, сложившиеся в истории философии к проблемам страха и тревоги связаны с именами античных авторов (Платон, Эпикур, Тит Лукреций Кар), представителями Средневековья (Августин Аврелий, Иоанн Дамаскин, Никкола Макиавелли), Нового времени (Френсис Бэкон, Томас Гоббс, Поль Анри Гольбах, Иммануил Кант, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Сёрен Кьеркегор), а также западной философии XX века (Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр, Карл Ясперс, Зигмунд Фрейд, Альфред Адлер, Эрих Фромм) и русской философской мысли (Михаил Михайлович Шербаков, Иван Александрович Ильин, Николай Александрович Бердяев, Семен Людвигович Франк, Лев Исаакович Шестов).

Современными учеными В.А. Андрусенко, В.Ю. Антоновым, В.К. Бакшутковым, М.И. Витковским, А.С. Гагариным, А.С. Заваруевой и многими другими изучается не только природа страха, но и эволюция самих воззрений на страх и тревогу.

Так, Д.Н. Баринов, изучая эволюцию философских представлений о тревоге и страхе, приходит к выводу о возможности выделения нескольких аспектов данного феномена. «Антропологический аспект позволяет установить связь тревоги с родовым понятием «страх», который обусловлен

потребностью человека в самосохранении и воспроизводстве своей жизни. Онтологический аспект заключается в раскрытии природы тревоги и страха как духовных явлений, в уяснении их места в системе жизнедеятельности человека и общества, а также их структуры и типологии. Гносеологический аспект состоит в осознании страха и тревоги как специфических форм отражения реальности. Аксиологический аспект заключается в соотношении страха и тревоги с миром социальных ценностей, социальных интересов, мотивов, что позволяет понять их роль в жизненных проявлениях. Праксеологический аспект раскрывает роль тревоги и страха в стимулировании практической социальной активности, усилении волевого фактора, направленного на предотвращение социальных, психологических, экзистенциальных угроз». [1, с. 38] Именно аксиологический аспект страха последствий цифровой реальности, заключающийся в соотношении последнего с миром социальных ценностей (доступности, которую предлагает цифровая реальность), помогает понять почему эта, казалось бы, очевидная современная социальная ценность, так отторгается большей частью довольно прогрессивного российского общества. Многие из таких представителей справедливо связывают грядущую цифровизацию с усилением деспотизма по отношению к человеку.

И здесь мы выходим еще на один серьезный социальный риск, порожденный цифровым обществом. Таким риском становится Интернет-зависимость, которая за последние годы распространяется в детской и молодежной среде очень быстрыми темпами. В 2010 г. Интернетом в России пользовались 43,3 млн человек, в 2015 г. – 78 млн человек, в 2017 г. – 87 млн человек, что составляет 73% всего населения в России. К середине 2018 г. уже более 90 млн человек – 81% населения. Такой прирост неизбежно ведет к увеличению численности интернет-зависимых.¹ Речь не идет об использовании Интернета как средства получения доступной информации, которую в дальнейшем можно самостоятельно анализировать и обобщать. Речь идет о зависимости, которая проявляется как психическое заболевание, сопровождающееся большим количеством поведенческих проблем. Проявлением такой зависимости служит неспособность человека вовремя выйти из Сети и постоянное навязчивое желание войти в эту Сеть под любым предлогом. Это становится причиной разрушения существенных личностных характеристик человека. Как любой зависимый человек, он становится ведомым, способным подчиняться. Он часть толпы. А как справедливо отмечает Д.С. Соммер: «при растворении человека в толпе значительно ослабевает его разум». [2, с. 31] Человек в толпе перестает мыслить, его основным желанием становится потребление наслаждения. В 1970 году Ж. Бодрийяр в своей работе «Общество потребления» назвал потребление цепной психологической реакцией, природа которой бессознательна. [3, с. 3] По мнению Ж. Бодрийяра, само потребление предметов перестает быть связанным с их сущностью, а избыток предметов потребления, указывая на «мнимое» изобилие, делает современное общество обществом самообмана, где уже подлинные чувства просто невозможны.

Надо признать, что страх, связанный с отсутствием Интернета, может быть выражением праксеологического аспекта, связанного со стимулированием практической социальной активности. И выражается он в том, что ради возвращения доступа к Интернету молодежь готова выйти на улицу и стать марионетками в руках политиков. «Современные молодые люди уже не боятся голода и лишений военного времени, рэкета «лихих 90-х», уличных грабежей, квартирных краж и т.п. Нам надо понять, что у них реально другие страхи: они боятся ограничения доступа к информации, слежки в своих соцсетях, отсутствия мобильной связи или Интернета, запрета на использование Iphone и установление нового «железного занавеса»». [4, с. 215] В этом аспекте страхи предыдущих поколений продолжают стимулировать людей старшего возраста на сохранение достигнутых положительных сторон социального развития и являются действенной прививкой от социального радикализма. Но у современных молодых людей другие страхи, стимулирующие иную социальную активность.

И, наконец, еще один серьезный социальный риск: утрата реальных коммуникативных способностей, развитие которых исторически способствовало формированию сознания человека. Siri, Алиса, голосовые помощники банков, магазинов, государственных учреждений, электронная почта и социальные сети вместо звонков и непосредственных встреч стали сегодня нашей повседневной реальностью. Выступать против них – это все равно, что уговаривать человека пересечь из машины на лошадь. Но машина – источник повышенной опасности, и когда мы садимся в нее, осознавая эту опасность, мы уже на половину от нее защищены. Вот таким же должно быть отношение и к современным коммуникативным суррогатам, представляющим формы виртуального общения.

¹ Статистика интернет-зависимости у российских подростков. <http://security.mosmethod.ru/internet-zavisimosti/127-> (дата обращения 21.07.2021)

Они не могут и не должны вытеснять из нашей жизни непосредственное общение, даже если они удобны и эффективны.

Чрезмерное увлечение такими формами общения обязательно приведет к потере коммуникативных способностей, страху перед непосредственным общением и в конечном итоге к сокращению когнитивных способностей человека. Если ранее недостаток непосредственного общения замещался общением с героями книг, то сегодня прочтение серьезной литературы, наполненной характерными героями, удел немногих. А между тем, литература как особый вид искусства, всегда оказывала огромное влияние на развитие чувственности человека.

Снимая фильм «Война и мир», С. Бондарчук боялся выбросить каждый монолог, считая, что с ним будет потерян и смысл. Именно поэтому прочтения краткого содержания произведения – это всего лишь получение информации, а не воспитание чувства. Человек, способный не просто испытывать эмоции, а наполнять свою жизнь чувствами, не утрачивает свою духовную сущность. Двойственная природа человека, по мнению С.Л. Франка, помогает ему преодолеть рабский страх. На уровне психической жизни она проявляется как двойственность эмоциональных проявлений: экзистенциальный ужас «перед глубиной и безмерностью бытия, перед бездонной бездной», а с другой – ищет счастья, умиротворения («согревающего приюта для души») [5, с. 538]. Для С. Л. Франка это возможно благодаря религиозной вере. Выйдя за рамки религиозной веры, отметим, что это возможно благодаря духовности, сама природа которой в истории философской мысли до сих пор понимается неоднозначно, но единым остается признание того, что это существенный признак человека.

В. Франкл отмечал: «духовность человека - это не просто его характеристика, а конституирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим, которые свойственны и животным. Духовное – это то, что отличает человека, что присуще только ему и ему одному. ...Человек как духовное существо не только сталкивается с тем, что он противопоставит миру (как внешнему, так и внутреннему), но и занимает позицию по отношению к нему. Человек всегда может как-то «относиться», как-то «вести себя» по отношению к миру. В каждое мгновение своей жизни человек занимает позицию по отношению как к природному и социальному окружению, к внешней среде, так и к витальному миру, к внутренней среде. И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке, что всегда может возразить» [6, с. 92-93].

С. Кьеркегор, стремясь показать, что любое достигнутое состояние является промежуточным в непрерывном процессе обретения духовности, назвал страх «определением грядущего духа» [7, с. 143]. То есть страх отражает становление духовности. По мнению автора, там, где есть страх – духовности еще нет, но чувство страха помогает ее обрести. В связи с этим, хотелось бы обратить внимание на следующее. Если речь идет не о чувстве страха, а о страхе как неосознанной эмоции, то последний, как раз может лишить человека имеющейся у него духовности, став определением потери обретенного ранее духа. Мы определяем духовность как «способность человека открывать, воспринимать и переживать истину, добро и красоту, усваивать их, преломляя через свое «Я» и в соответствии с этим строить свое поведение и всю жизнедеятельность. Это личный, интимный мир человека, его заинтересованность и добровольное исполнение норм нравственности» [8, с. 29].

Сохранить ценность сознательности (самостоятельной мыслительной деятельности) и чувственности человека (осознанности эмоций, не ограничивающейся кратковременностью восприятия) – это значит обеспечить в условиях неизбежной эволюции неизменность духовной сущности самого человека, удержать его от превращения в эмоциональное животное, неспособное к чувствам, или в машину, функционирующую по заданной программе. В 2009 году режиссер Роланд Эммерих снял художественный фильм «2012» о конце света¹. Фраза одного из героев фильма: «Всем нам пришлось принимать не простые решения ради спасения нашей цивилизации, но быть человеком значит заботиться о ближнем. ... Когда мы прекратим биться друг за друга – мы лишимся того, что делает нас людьми!», достойна того, чтобы встать в один ряд с высказыванием Протагора.

Список источников

1. Баринов Д. Н. Тревога и страх: историко-философский очерк // Психолог. 2013. № 3. С. 1-39.
2. Соммэр Д. С. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2013. 480 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2006. 269 с.

¹ О фильме «2012». [https://ru.wikipedia.org/wiki/2012_\(%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/2012_(%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC)) (дата обращения 24.07.2021)

4. Маслодудова Н. В., Шинкевич В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи российских регионов: на материалах социологического исследования, проведенного среди студентов г. Красноярск // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 212–220.
5. Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
8. Маслодудова Н. В. Духовная культура личности и гуманитарное образование: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. 137 с.

References

1. Barinov D. N. Anxiety and fear: historical and philosophical essay. *Psikholog = Journal of Psikhsolog*. 2013;(3):1–39. (In Russ.)
2. Sommaire D. S. *Moral of the 21st century*. Moscow: Kodeks; 2013. 480 p. (In Russ.)
3. Bodriyar J. *Consumption Society*. Moscow: AST; 2006. 269 p. (In Russ.)
4. Maslodudova N. V., Shinkevich V. E. Value orientations of modern youth of Russian regions: on the materials of a sociological study conducted among students Krasnoyarsk. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2019;(5):212-220. (In Russ.)
5. Frank S. L. *Writings*. Moscow: Pravda; 1990. 608 p. (In Russ.)
6. Frankl W. *Man in search of meaning*. Moscow: Progress; 1990. 368 p. (In Russ.)
7. Kierkegaard S. *Fear and awe*. Moscow: Respublika; 1993. 383 p. (In Russ.)
8. Maslodudova N.V. *Spiritual culture of personality and humanitarian education: monograph*. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the MIA of Russia; 2005. 137 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Маслодудова – канд. философ. наук, доц.

Information about the author

N. V. Maslodudova – Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 20.10.2021.

The article was submitted 04.10.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 20.10.2021.